очему люди так глухи друг к другу? Болью измучат, словом изобыют — а потом, страдая, безрадост-

но пьют горькую в одиночестве или делят рюмку с первым встречным. «Ну-ну, ти, маленькая... ну-ну, ти, ры-

женькая... ну-ну, ти, Римулька моя, Господь с тобою!.. не плачь, не печалься, детонька, все пройдет...». — звучит тихий

тонька, все пройдет...», — звучит тихий голос в моей памяти. Теплые руки, уютные колени, мягкое родное объятие, свет, льющийся из добрых глаз... Это бабушка. Я любила у нее бывать, поскольку рос-

ла вольной птицей и притом с малолетства

чувствовала себя в ответе за все вокруг происходящее. В куклы и в привычные многим девочкам «дочки-матери» в детстве практически не играла. Кукла — мертвая натура; гладкий холод пластика или резины вкупе с искусственно создаваемым, притворным существованием человекообразной игрушки мне всегда претили: «Вот, ты, кукла Юля, теперь как будто завтракаешь... а теперь как будто

гать, руки поднимать-опускать, или усаживать его, или укладывать. И все оно, это действо — ненастоящее, «понарошку»... И потому — зачем оно? То ли дело — все живое, неуловимо меняющееся, требую-

идем с тобою в парк, а теперь давай-ка спать!..» — И в этот момент бездушному лупоглазому телу надо было ноги передви-

ления. Вот это влекло детскую душу: мне нравилось петь и читать, задачки по физике и математике решать, сочинять истории, рисовать, цветы сажать, играть в футбол и извлекать волшебные звуки из клавиш фортепиано, по крышам-заборам лазить, птиц кормить, щенков приваживать, смотреть, как восходит луна, как звезды проявляются острыми лучика-

щее личной причастности, непременного присутствия, действия и осмыс-

ми в меркнущем небе... Мы с родителями жили в центре города в коммуналке, где на небо редко поднимают взоры, а живая земля закрыта, закатана асфальтом.

А бабушка обитала совсем в другом мире: одна в домике на окраине, притулившемся среди цветущих трав и заманчиво благоухающих соседских садов, в окружении славных — живых и настоящих — ребячьих друзей: веселых или грустных бродячих собак, ленивых и игривых кошек, важ-

ных петушков и хлопотливых кур, да мало ли чего еще!.. Там, на заросшей муравой и лопухами, почти непроезжей улице иногда раздавался возглас: «Точу ножи-ножницы!.. полужу посуду, заберу ненужные вещи!..», — это бородатый дядька-старьевщик, точильщик и лудильщик в одном лице, со своей груженой тележкой проезжал мимо. Он дарил ребятне в обмен на какую-нибудь не подлежащую починке домашнюю ве-

щицу маленький красный надувной шарик с пронзительным свистком, или вручал приторного леденцового петушка на палочке, или раскрашен-

ную бумажную маску... В бурной детской жизни моей не обходилось без синяков, ссадин и первых обид, и если уж совсем бывало невмоготу, я прибегала, поскуливая, к бабушке. И тогда она, как в моем младенчестве, прижимала меня к себе и пела-приговаривала: «Ну-ну, ти, маленькая... ну-ну, ти, золотая моя... ну-ну, ти, Римушенька, Господь с тобою, не плачь, не печалься, деточка, все пройдет...» И проходило. Так и осталось: бабушка Маруся, Нунути.

Ее назвали Мария — так же, как и ее мать, искусную рукодельницубелошвейку. Марьюшка явилась на свет в начале прошлого века последним, двенадцатым ребенком в семье моего прадеда-музыканта, а через полгода не окрепшая после родов прабабушка умерла в возрасте сорока шести лет в эпидемию гриппа, от которого погибло тогда людей больше,

чем в Первую мировую войну. В те времена эту страшную болезнь именовали «испанкой».

Детство, юность и молодость Марии пришлись на пору социальных катастроф и распада Российской империи: Мировая война, две революции, гражданская война, голод 1930-х годов... Зрелость совпала с лихолетьем Великой Отечественной и трудными послевоенными годами. Но удивительная красота бабушки — сияющие серо-синие глаза, белоснежная кожа, соболиные брови и черные, как вороново крыло, вьющиеся

волосы — не угасала долго. Помня о ней, я и до сей поры люблю синеглазых, светлокожих и черноволосых людей — они как родня мне... Спортсменка, оптимистка, прекрасная чертежница, перед войной Мария Васильевна работала на Воронежском механическом шестнадцатом заводе,

дома умудрялась отлично готовить даже из скудного набора продуктов на печке и керосинке, как многие русские женщины в те дни. Шила-вышивала, особенно любила лоскутное шитье и аппликацию из ткани, ныне именуемые модным словом «пэчворк», да и вообще никакого труда не чуралась. В войну она оказалась с дочкой Томочкой, моей мамой, в окку-

пации. В пересыльном концлагере на Западной Украине подорвала здо-

ровье: в голоде и холоде носила мешки чуть не в центнер весом, чтобы покормить раненое болящее дитя. И всю оставшуюся свою недолгую послевоенную жизнь страдала сердечной астмой, гипертонией и другими недугами, о которых мне ведомо не было: бабушка, потеряв мужа на войне, так и осталась вдовой и жила отдельно в своем крошечном домике на улице Ухтомского. Теперь уж ни улицы этой у Курского вокзала нет, ни самого домика...

Умерла Мария Васильевна мгновенно, весной, едва расправившей крылья и растопившей серые снега — от разрыва сердца, во сне, в санатории имени Горького, куда ее направили на лечение после жестокого приступа стенокардии. И было ей всего пятьдесят восемь лет.

приступа стенокардии. И оыло еи всего пятьдесят восемь лет. В моей жизни это была первая смерть, которая запомнилась детально и была глубоко осознана детским разумом. Я, тогда девятилетняя девчонка, тоже болела — гриппом, лежала с высокой температурой в постели, и дома не было никого из взрослых. В середине дня в дверь позвонил и вошел, остановившись в полутемном коридоре, невысокий, слегка сутулый усталый мужчина — кто-то из знакомых бабушки. Принес тяжкое известие о ее смерти, вздохнул, сказал «сочувствую...», оставил траурную бумажку — сообщение то ли от врача, то ли от администрации санатория — вместе с большим букетом кустовых хризантем, почему-то в банке.

Бело-желтые цветочные головки на длинных стеблях как-то хищно торчали из баночного горлышка, являя собой торжествующий символ свершившейся смерти, и пахли так сильно, так навязчиво и тревожно... Я заплакала, но утешения не было — посетитель торопился и, машинально погладив меня по голове, ушел. Без сил я опустилась на кровать. Температура все жарила, мысли мои путались, сердце колотилось, и голубые стены комнаты, казалось, придвигались ближе и ближе, готовые навалиться и задавить меня, а принесенные цветы таращились из угла своими белыми и желтыми глазами, ничуть не «сочувствуя» свершившейся беде. Сжавшись в углу кровати, я думала о том, как мама вернется с работы и как мне придется отдать ей это страшное послание, и, наверное, она заплачет. Я боялась думать о том непонятном, что будет потом...

Тогда случился мой первый приступ астмы. Голова загудела, в глазах поплыли бело-желтые круги, дыхание прервалось, и, казалось, мне больше никогда не вздохнуть. С трудом поднялась я с постели, приоткрыла окно на пятом этаже и, держась за раму, шепотом позвала: «Баушка, Маруся моя, Нунути!.. где ты? откликнись!..» Силы вдруг вернулись, спазм ушел, легкие словно расправились — и я смогла вдохнуть холодный весенний воздух. Сначала неглубоко, осторожно, потом все глубже и спокойнее дышала и смотрела на прозрачное безоблачное небо, где витала душа моей дорогой Нунути...

Похоронили Марию Васильевну на Коминтерновском кладбище. Шел Великий Пост, день был пасмурный, а свежая могила, помню, была усыпана все такими же безразличными к человеческому горю белыми и желтыми кустистыми хризантемами (сезон на них, что ли, был тогда, кто знает?). И в их мертвенное тяжелое благоухание вплеталась моя боль от внезапной потери близкой души — они пахли смертью. Дрожащая от слабости и утраты, я молила тогда: «Прости меня, моя Нунути! Знаю, ты сказала бы: «И это пройдет, рыженькая, Господь с тобою...» И с тобою, родная моя, пусть будет Господь, пусть будет Он всегда с тобою...»

С тех пор друзья не дарят мне этих цветов.

жизнь в розовом цвете

Жила-была Розовая Лавка... Не удивляйся, малыш: обо всем, даже самом неожиданном, что встречается тебе в мире и о чем можно, удивившись, подумать: «Надо же, вот оно какое есть!..» — обо всем этом чуть позже скажут: «Это было, жило тогда — я помню...». Может быть, ты сам вспомнишь что-то дорогое сердцу или кто-то другой задумается о прошедшем. И этот свет, сияющий нам из давних дней, эта былая радость и верность поддержит душу в трудные минуты.

Итак, в большом городе жила-была Розовая Лавка. Однажды утром спешащие по своим делам прохожие — а было их ой как много!.. — обнаружили неподалеку от проезжей части незнакомую конструкцию из розоватого дерева. «Вчера, вроде, ее не видели. Зачем и как она тут появилась, Бог знает, — пожали плечами люди. — Лавка, похоже. Ну, лавка и лавка. Пусть стоит...»

Действительно, ничего особенного не было в невысокой Розовой Лавке — ни изящной резьбы, ни накладных металлических украшений, ни даже цветастой рекламы, которая сегодня привычными кляксами пятнает места обитания людей, — ничто не искажало ее естественного, с чистыми обводами вида. Однако Лавка, безусловно, была диковинная: какаято и не городская, и не деревенская: слишком простых, но одновременно и особенных очертаний. Она смотрелась странно во взвихренной человеческой суматохе, что почти всегда кипит в каменном котле городских улиц. Неуловимая эта странность во многом определялась не только формой Розовой Лавки, но и необычным материалом, из которого та была сделана. Ее гладкая, словно сияющая изнутри древесина пахла цветами и ладаном, будто дышала. В общем, маленькая Лавка казалась лишней в суетливом мире производства и потребления — там, где живая душа так часто угнетена жестким ритмом и звуком работающих механизмов.

Лавка стояла на пыльном растрескавшемся асфальте — и словно изливала теплый свет изнутри. Этот чудный свет не пропадал ни днем, когда солнечные лучи разогревали поверхность Розовой Лавки, ни к вечеру, когда из налетевшей тучи проливался на город дождь, ни ночью, приносившей покой усталым горожанам. В первую же ночь к Лавке пришли первые посетители: сначала Рыжая Собака-Двоеглазка устроилась, было, под нею подремать — но потом, встрепенувшись, вдруг заторопилась кудато по своим звериным делам. За нею явился независимого вида трехцветный Пятнистый Кот и, легко вспрыгнув на сиденье, потерся спиной о покатую деревянную боковину. Затем столь же изящно спустился наземь, чтобы через минуту исчезнуть в темноте... А под утро бессонный ветер, пригнав несколько листьев, заиграл, закружил их между ножек Лавки... С рассветом город зажил своей обычной деловой жизнью.

К Лавке подходили теперь многие: то старик присядет передохнуть на пути к автобусной остановке; то парень-студент, поставив сумку и вытащив планшет, что-то быстро надиктовывает, стоя рядом, в закрепленный на толстовке микрофон; то жизнерадостная мамочка, пристроив на сиденье дочурку, поправляет малышке берет...

Как-то однажды была суббота. Многие люди отправились отдохнуть за город от напряжения рабочей недели, и на улицах стало заметно тише. И вот незадолго до полудня к Лавке подошел Мальчик и сел на нее, положив ладони на свежую еще древесину. Ему надо было дождаться здесь Мать, которая стояла в очереди у овощного киоска — она строго-настрого

к спинке, умостился поудобней и легко похлопал Лавку по доске — так, как если бы это было живое существо: кот или собака, или... олениха. Лавка точно понравилась ему: уютная, какая-то настоящая, она ис-

наказала ему никуда не уходить и сидеть смирно! Мальчик, прислонившись

точала терпкий древесно-цветочный запах. Мальчик вспомнил, как Отец повез его к морю, к своему Отцу, и как они все втроем ходили в зоопарк. Там любопытная молоденькая олениха подошла к ним, стоявшим у самого

барьера, и вдруг доверилась детской искренности, позволила Мальчику погладить свой теплый, с нежным сиреневым отливом пятнистый бок —

а потом пугливо вздрогнула и отпрянула, унеслась в дальний угол вольера... Такая же теплая и живая, чувствовал Мальчик, была и Лавка. «Это Розовая Лавка», — так назвал ее он про себя. Он знал, что точно угадал имя. Закрыв глаза, он стал раздумывать о том, как на берегу знакомого ему морского залива выросло Розовое Дерево и как оно, рас-

кинув шелестящие ветви, тянулось к небесам и радовалось миру, благоухая розами и еще чем-то невыразимо приятным. И как он, Мальчик, сидел под Деревом, спиною чувствуя прохладу его глянцевой коры, при-

Мальчик покинул эти места, когда лето было на исходе. Вскоре пришли осенние бури и ледяным порывом надломили хрупкий ствол Розового Дерева, и оно со стоном рухнуло, раскинув ветви по холодному грун-

Наутро живущий поблизости Мастер — отцов Отец — увидел упавшее Дерево и забрал его к себе. Искусно очистив лишнее, он сделал из него небольшую Розовую Лавку, а оставшийся в почве комель подлечил.

слушиваясь к току соков внутри ствола...

И следующей весною маленькие веточки, проклюнувшись из поврежденного ствола, осторожно потянулись вверх. Лавку же Мастер переправил в город и поставил ее неподалеку от дома Мальчика, чтобы тот, присаживаясь на нее временами, вспоминал про-

сторное море и усыпанный мелким галечником летний берег, на котором

росло чудесное Розовое Дерево. И, конечно — самого Мастера...

ту — смеси смерзшегося песка, гальки и снежной крошки.

— Мама, мама, садись, это Розовая Лавка, она из Розового Дерева от папиного Отца!.. — радостно сообщил Мальчик подошедшей Матери. — Ну, что ты, малыш, розовых деревьев не бывает. Бывают липы, дубы, березы, сосны... много разных деревьев на свете. Но розовых — нет,

вряд ли... Хотя лавка, и правда, хорошая, древесина здесь какая-то

необычная. — Мать села рядышком. — Да, да, мамочка! Она пахнет розами, и морем, и ветром, и криками чаек, и солнечными бликами на воде, и маленькими рыбками — они

так здорово прыгают над ее поверхностью!.. И еще радостью, — задыхаясь от восторженных воспоминаний, поспешно перечислял Мальчик. И Мама, улыбнувшись, погладила сына по русой голове.

— Ты прав, мой хороший, Розовое Дерево тоже есть... И они вернулись домой, а Розовая Лавка осталась на месте, и обра-

зы, так живо нарисованные Мальчиком, еще долго витали в ее ночных снах и дневных грезах.

Миновало лето и осень, и зима. Весной на месте, где стояла Розовая

Лавка, решено было устроить летнее кафе: укрепить временный навес от солнца, разместить несколько пластиковых столиков, приставить плас-

тиковые же литые стулья. И продавать там напитки, закуски, мороженое: люди всегда хотят есть и пить, а летнее кафе приносит хорошую прибыль. Так и сделали. Явился обстоятельный хозяин, осмотрелся: Розовая Лавка занимала полезное место, мешала, и ее вывезли из города в лес. А там бросили на опушке, сломав спинку и повредив ножку, — впрочем, это неважно. Да и о чем жалеть — кому эта нелепая штука глянется, тот, верно, заберет и деревянную колченогую инвалидку...

Прошло несколько месяцев, и Лавка, действительно, пригодилась: ее, изрубив на чурки, бросили в костер, который согрел от холода веселую компанию школьников, что учились способам выживания в дикой природе.

В ту ночь Лавка горела легко и радостно, в последний раз источая в пространство свой необычный розовый аромат. Сидящие у костра дети притихли, задумчиво глядя на пламя. И души их замерли, вдруг ощутив: что-то необычное, благоухающее, величественное и прекрасное всегда присутствует в мире. Оно живет в шелесте трав, в каплях дождя, падающих с веток, в живой игре огня, временами затмевающего свет звезд, в порывах ночного ветра... и в дружеском единении, собравшем их вместе вокруг костра.

А Розовая Лавка в уже бестелесной своей теплоте поднималась к темному небу вместе с дымом, полным сияющих огненных искр. И, сливаясь с прохладным ночным простором, вспоминала родной морской залив с прозрачной водой, где она выросла стройным Розовым Деревом. Где и сейчас гурьбой стояли у берега ее братья и сестры — островерхие тополя и нежные живописные туи, что повторяли очертания издалека видного старинного маяка, который зажигает вечерами свой свет для кораблей, плывущих у горизонта. Ей казалось, что теперь, окутанная горячим терпким ладаном, она то ли летит по небу, то ли бежит по самым краешкам облаков, словно пугливая олениха с темными крапинками на сиреневых боках. Или парит, как волшебная синяя птица с пушистыми длинными перьями, и сияющие голубые вихри, играя, несутся с нею рядом нескончаемым туманным шлейфом. А потом птичьи крылья превратились в прекрасные ветви Розового Дерева. Усыпанные нежными ароматными цветами, они тянулись ввысь, к дивному Незримому Свету — туда, где неизменно ждет все верные души только любовь, только ясная радость и мир...

Изменившейся до неузнаваемости, но по-прежнему живой и даже обретшей какое-то новое, небывалое бытие Розовой Лавке вдруг привиделся спокойный взгляд Мастера, который, подняв упавший ствол Дерева, держал когда-то его — нет, не его, а ее саму на руках. И прозвучали в памяти слова, задумчиво произнесенные им в безмолвное пространство, но обращенные — к кому-то дальнему, невидимому и дорогому: «Это ваш мир... храните и возделывайте его».